

Г. Краснокутский

**БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» КАК ОДИН ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ
АРХЕТИПОВ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

*Юмор есть не расположение духа,
а один из способов отношения к миру.*

Людвиг Витгенштейн
*Комическое есть способность восприятия
противоположности; юмор есть ощущение ее.*
Умберто Эко

По поводу смеховой культуры сложились два весьма расхожих и утвердившихся представления, нуждающихся в некоторой корректировке. На социально-бытовом уровне существует предубеждение (и одновременно благое пожелание), что смех (в частности, юмор) сближает людей. Дабы развенчать это прекраснородушное заблуждение и показать, что так было, по меньшей мере, не всегда, достаточно вспомнить небезызвестную надпись «Се есть Царь Иудейский» и ее ситуативный контекст, а заодно посчитать, сколько раз в Новом Завете сказано в контексте издевательств над Христом: «насмехались».

Отсюда же вытекает уже паранаучного характера посылка о смехе как о явлении, имеющем самое непосредственное отношение к низовой культуре (или «карнавальной», хотя надо заметить, что этимологически «карнавал» восходит не просто к латинскому *carne*, т.е. «плоть»²⁹, а к словосочетанию *carne levare*, что вообще означает «возносить плоть» (!), а в более узкопрофессиональном, мясницком, смысле – «разделявать мясо», то есть

создавать предпосылки для праздника живота); «низость» смеховой культуры утверждается еще словами Павла о том, что «сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны» (Еф 5, 4) в деле подражания Богу, т.е. высокому идеалу.

Если совместить два указанных пред-рассудка, получится, что люди способны обрести подлинное (понимаемое в данном случае как неофициальное) единство на низовом, карнавальном уровне. Однако оба этих положения в действительности далеко не отражают всей широты явления под названием «смех» и в историческом плане не имеют практически никакого отношения к его истокам, т.е. к исходным архетипам первобытности, в которой отсутствовала вертикальная система ценностей. На этом уровне смех определялся не через парадигму «демократической социализации» и оппозицию «верх» – «низ», а скорее через бинарное противопоставление классификаторов «свой» – «чужой?» (вопросительный знак при втором слове поставлен с целью смягчить противопоставление сомнением и семантическим сдвигом в сторону понятия «не свой»).

Для краткости ограничимся отдельными примерами в пользу заявленного тезиса.

У американского антрополога Элизабет М. Томас в книге «Безобидные люди» есть довольно любопытное и показательное описание, по-видимому, одной из древнейших форм проявления чувства юмора в истории мировой культуры, ибо относится это описание к людям *сан* – бушменам пустыни Калахари, одному из наиболее архаических по уровню развития народов Земли и представителям одной из древнейших рас, наиболее законсервированной в своем развитии.

Как-то по пути в охотничий лагерь один из бушменов подстрелил газель. Однако, ему не удалось свалить дичь сразу же, что принудило ее, перед тем как испустить дух, несколько минут с вывороченными наружу кишками совершать не слишком уклюжие из-за боли и потери сил и крови прыжки. Наблюдая за этими корчами, бушмены просто покатывались от хохота, смачно оттягивали себя ладонями по бедрам, пародировали

²⁹ Имеется и другая версия этимологизации карнавала от словосочетания *carrus navalis* – «морская телега», но она представляется гораздо более опосредованной, нежели «плотская».

прыжки газели и тем самым еще более поднимали себе настроение, а впоследствии долго вспоминали удовольствие, доставленное им странным поведением животного. Исследовательница отмечала при этом, что бушмены (кстати, люди вполне добродушные и действительно «безобидные», о чем гласит и заголовок книги) не проявляли и тени жалости по отношению к агонизировавшему украшению саванного ландшафта.

Нам вряд ли покажется слишком близким юмор такого рода, хотя трудно не заметить сходства этого спонтанного гэгэ с классическим рецептом немого синематографа: человек поскользывается на банановой кожуре, падает – и все вокруг смеются. Ничего нового со времен каменного века не привнесено: юмор здесь остается невербальным (т.е. сохраняет, по-видимому, свою древнейшую форму, не требующую даже мало-мальски структурированного языка речевого общения и потому возможную даже у неандертальцев), а «публика» и «герой» отделены друг от друга невидимой, но непроницаемой стеной представлений об инаковости, что и позволяет первой добродушно насмеяться над вторым. Отличие лишь в том, что в случае с бушменами разница между смеющимися и объектом смеха не осмысливается метафизически, а в незамысловатом гэгэ с банановой кожурой зритель все же абстрагируется от «неюмористических» аспектов происшествия, могущего быть обозначенным через ряд глаголов: «поскользнулся, упал, очнулся – гипс», говоря себе, что здесь все это – всего лишь игра, а не реальные ощущения. Сознание бушменов, еще не выросшее до такого уровня абстракции, тем не менее также воспринимает поведение подраненной газели как «ненастоящее»: ведь животное, по их мнению, не обладает чувствами, а только имитирует их, то есть «играет»! Так почему же не посмеяться, если у него это забавно выходит?

Таким образом, объект охоты в самой рядовой и прозаической «производительной» ситуации фактом своего нестандартного поведения, отчуждения и обретения атрибута *несвойственности* культурно-ситуативному контексту помещается в игровое пространство, то есть вводится в инобытийный контекст, сразу же меняющий отношение к нему и превращающий его в объект смеха.

Любой объект, будучи «не своим», лишенным в сознании субъекта онтологических свойств, как бы теряет в весе и уже не может быть в полной мере серьезным, «всамделишным», но он же не может быть изначально чужим, ибо это исключило бы предпосылку его превращения из «своего» в «не свой». Смех способен вызвать видоизмененное (изменившееся) знакомое; целиком чуждое способно вызвать лишь страх. Достаточно вспомнить, как Сарра, уже после обрезания Авраама, т.е. договора с Яхве, «внутренне усмеялась» в ответ на пророчество о том, что она родит, хотя «обычное у женщин» у нее давно прекратилось. Господь, конечно же, прознал о сомнении Саррином и обиженно спросил Авраама: «отчего это рассмеялась Сарра?», – после чего Сарра вынуждена была соврать всеведущему: «я не смеялась». «Ибо она испугалась.» (Быт 18, 10–15). Объяснить это можно следующим образом: в начале сцены Яхве был уже «своим» и потому подверженным отчуждению, но когда своим смехом Сарра отдала его от себя, он сразу же стал ей страшен, хотя всего лишь на мгновение: ведь Яхве не намеревался поступить с ней, как вскорости поступил с Содомом и Гоморрой (желающим предоставляется возможность интерпретировать расправу над двумя городами как перенос гнева господнего с осмеявших его любимцев на другие объекты).

Уже из этого примера, вскрывающего механизм «культурной работы» смеха (отчуждение ввиду отказа принять что-либо странное и необычное всерьез), видно, что даже в позднейшие эпохи, когда хронотоп культуры структурируется и зарождаются представления о космосе и хаосе, смех остается на территории космоса и нейтрален по отношению к дихотомии «сакральное» – «профанное» (Сарра говорит «смех сделал мне Бог; кто ни услышит обо мне, рассмеется» в таком же тоне, как если бы речь шла о соседке, без всякого осознания святотатства), хотя волны религиозных импульсов прибывают к окраинам освоенной вселенной: ведь смех существует прежде всего как

реакция на странность, «непорядок», т.е. дискосмичность, но в рамках знакомого культурного окружения (для Сарры дискосмична возможность ее беременности, ведь ей невдомек, что, как выяснилось, Яхве всемогущ). Можно, по-видимому, говорить о том, что смех является своеобразным механизмом «рассвоения» культурного пространства, снимающим напряжение коллективного сознания, слишком углубившегося в конструктивную работу и ощутившего потребность отмежевать «свое» от еще не полностью освоенного. Это своего рода «мирный хаос» (по аналогии с «мирным атомом»), маргинальная зона ближнего и дружественного хронотопа, в которую выталкиваются все элементы мироздания, не вполне укладываемые в общественное сознание той или иной культуры и в которой хаос и космос способны творить новую реальность, отнестись к которой сперва можно только с юмором. Через смех человек отделяет «пшеницу» от «плевел» и, таким образом, пользуется смехом как инструментом дифференциации собственных представлений об окружающем мире в русле уже упомянутой первичной и простейшей бинарной оппозиции. Однако, условия общественной жизни в архаических культурах определяли жесткий характер этой дифференциации, благодаря чему смех на первых (и очень долгих) порах был не столько лекарством, сколько оружием, поскольку дифференциация зачастую принимала форму усекновения членов (общества): «Да будут обращены назад и преданы посмеянию желающие мне зла!» (Пс 39, 15). Вся античная культура либо не знает смеха (или делает вид, что не знает), либо использует его как орудие агрессии и маргинализации (в Библии разве что в книге Иова (8, 21) можно встретить упоминание смеха в положительном контексте – «Он еще наполнит смехом уста твои и губы твои радостным восклицанием», – да и то в виде достаточно зыбкого, с точки зрения главного героя книги, обещания). Вплоть до наложения христианской идеологии на языческую культуру разговор о дихотомии «верх»–«низ» выглядит несколько преждевременным, ибо действие смеха распространяется не в вертикальном направлении, а в плане «горизонтальной теологии». Смеховым началом насквозь пропитана почва языческой (хтонической в основе своей) культуры, в которой еще не сформировалась в столь резкой форме, как в христианстве, идея противостояния «верха» «низу», но возникала потребность оградиться смехом от деструктивного аспекта хтонических сил, и смех здесь – не переименование «высокой действительности», а сама действительность.

Часто приходится сталкиваться с утверждениями о том, что сюжеты древнейших комедий пародировали мифологию греков (а значит, и «снижали» ее³⁰), но гораздо меньше уделяется внимания заслуживающим доверия словам Аристотеля в его «Поэтике» о том, что сама трагедия «возникла из сатирической драмы и имела первоначально шуточный характер», что есть попросту выросла из комедии или очень близкого к ней жанра, а вовсе не наоборот, как можно было бы заключить по схеме профанации верхнего пласта действительности низовой культурой. Другими словами, «грязная шутка», прежде чем стать, по Оруэллу, «интеллектуальным бунтарством», была полноправной хозяйкой и органичным механизмом культуры, смягчающим пугающую для архаического сознания противоположность «своего» и «чужого».

³⁰ Вот как «снижает» свой образ Кратин, один из предшественников Аристофана:

Царь Аполлон! Что за каскады слов!

Ревут потоки, дюжина ключей

В устах, Илосс сам в глотке. Что прибавить? –

Коль рта ему никто не заткнет,

Он все снесет стихов своих потоком.

Думается, что это вполне космический уровень, отражающий принципы поэтики, общие как для богов, так и для людей, что и позволяло Гомеру называть своих героев «богоравными».